

Популова Татьяна

Твои два метра

Реакция на меня была нулевая. Будто меня не было.

NOVA TOTIUS
TERRARUM
ORBIS

TABULA

ex officina G. a Schagen

Amstelredami

12+

Татьяна Павловна Популова

Твои два метра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51851463

SelfPub; 2020

Аннотация

У каждого человека есть цель, по достижению которой должна наступить идиллия и равновесие в собственном мире. А что если там, на вершине, стоит смерть и ждёт твоего подъёма? Сдаться и остаться на дне? Или же, несмотря ни на что, взять себя в руки и показать всем на что ты способен? Что выберет главная героиня?

Эта была короткая история любви. Самая короткая и странная любовь в моей жизни. Может быть, короткая лишь по той причине, что и жизнь моя была коротка, всего лишь восемнадцать процентов от века.

Я воспитывалась под постоянным давлением со стороны родителей, в детстве мне приходилось редко слышать слова любви. Мне пришлось пережить ноль внимания, ноль ласки и ровно ноль нежности в детстве. Это сказалось на моём подростковом возрасте. Все говорили, что у меня гордый и эгоистичный взгляд. Ко мне боялись подойти одноклассники, знакомые, даже те люди, которым я когда-то как-то помогла. Все считали меня злым и холодным человеком. «Бесчувственная», – слышала пару раз за своей спиной, но лишь тяжело вздыхала. Да, бесчувственная. Но разве не на каждое безразличие есть причина?

Мне не нравилось, когда меня жалеют врачи и медсёстры, когда я стояла в очереди больницы. Неужели это некоторым людям помогает? Хоть кому-нибудь помог этот страдающий взгляд? Меня только передёргивало. Мои проблемы – это настолько ничтожный повод сочувствия, что я не видела смысла в этом.

–Как твоё самочувствие? – спрашивал мой лечащий врач. Закатывала глаза и всегда грубо отвечала:

–Жива. В порядке.

–Курс таблеток пьёшь?

Доставала из кармана заполненный лист бумаги, где по ча-

сам расписан приём лекарств.

–Анализы сдала в приёмную?

Всегда кивала головой, а потом следовала одно и то же каждый раз:

–Ты молодец. Остаёшься собой всё это время. Я горжусь тобой.

Лучше бы мама с папой гордились мной.

Выходила из кабинета врача. Там всегда сидел парень, который кивал мне головой. Он смешил меня.

Дома меня никто не ждал. В почтовом ящике находила посылку. Заходила в комнату. Медленно и каждый раз ожидающе вскрывала её. А вдруг там пусто? Вдруг уже всё хорошо? Но я понимала каждый раз, что неизлечимая болезнь – неизлечима. Как бы больно для понимания это не было, но за столь большой период своей жизни, я уже привыкла. Из открытой посылки начинали сыпаться разноцветные таблетки и баночки. Иногда они так и оставались на полу, потому что от бессилия я падала на кровать и засыпала. А утром особо некогда убираться, потому что папа не желал слышать моих оправданий, по какой причине на этот раз я опоздала на минуту или две на завтрак.

В школе никто не знал о моём самочувствие, иначе бы я была для них никем. Мама позаботилось о моём благоприятном обучении в школе, заплатив огромную сумму. Подкупны все, даже если они об этом не говорят, то подкупны. Я за все эти года, пока была живой, всегда была авторитетом в

классе. Многие прислушивались к моему мнению, но также я замечала, как одноклассники при виде меня переставали смеяться и делали вид, что чем-то заняты.

Уважали?

Не так сильно, как моего одноклассника Артёма Шнайдер. Он будто был из моей вселенной, постоянно был со всеми груб, ставил всех на место, следил за порядком. И все. Абсолютно все в школе обходили его на три метра и больше. Личное пространство. Его передёргивало, когда к нему прикасались или называли просто по имени.

Артём Шнайдер – человек с высокой самооценкой, некоторые говорят, что его эгоизм – это уже диагноз. «Два метра», – всегда говорил он, когда кто-то подходит ближе, а потом добавлял: «У меня нет времени, чтобы тратить его на бессмысленный диалог». Но ко всему этому он был очень умный. Шнайдер мог без проблем решить самую сложную задачи и не только в школьном плане, но и в жизненном. В его голове срабатывала всё по щелчку: быстро и верно. У этого парня очень много связей. Возможно, это связано с его семьёй. Возможно, его родители какие-то важные персоны. Никто не знал. Об этом Шнайдер молчал.

А ещё Шнайдер ненавидел меня. Я пыталась переплюнуть его во всём, но всё оказывалось безуспешным. Пыталась вставить лишнее слово, чтобы как-то задеть его, но парень всегда был выше, отвечая своим безразличным голосом. От его взгляда становилось холодно. А когда коллектив прислу-

шивался больше к моему мнению, то мне приходилось прятаться в этот момент под парту, так как в этот момент в меня могло полететь что угодно. Артём либо не контролировал себя, либо хотел контролировать максимально всё. Никто не видел в его глазах сожаления, сочувствия, только если в сторону нас смертных, что мы такие ничтожества по сравнению с ним. И после этого все ставали на его сторону. Но, по-моему, была бы их воля, они бы избавились от нас двоих.

Шнайдер всегда унижал меня. Казалось, что это было его хобби. Он унижал, конечно, всех, но для меня оставлял самую унижительную речь. Иногда в ход шли кулаки. В эти моменты я пыталась избегать появления крови на моём теле. Мало ли. Мне бы не хотелось, чтобы кто-то из моих одноклассников заразился.

Очень часто приходила домой и закрывала свою комнату на ключ. Мама приходила в бешенство, а я была в истерике от давления Артёма. Он будто раздавливал меня каждый день. Пыталась показать ему, что сильнее я. Но каждый раз проигрывала в этой борьбе. Каждый раз. Я проигрывала дома, в школе, в жизни. Проигрывала болезни, судьбе. Проигрывала всему, что меня окружало. Как можно выиграть то, что сильнее? Мне казалось, что я песчинка среди могущественных созданий, которые хотят избавиться от меня, чтобы их мир стал идеальным. Разве могут среди величественных быть такие жалкие, как я? Обычная пыль, которую рано или поздно они уберут. Но мой характер, видимо это на

генном уровне, не мог позволить мне сдаться. Ночью я кричала в подушку: «Нет, я буду первой, рано или поздно, но буду». Как жаль, что в моей жизни это поздно не наступило. Я и тогда понимала это. И мне становилось смешно. Каждую ночь я лежала в дикой истерике. Уже хотелось умереть, чтобы больше никогда ничего не чувствовать. Но я не могла умирать, зная, что не первая.

И вот должны были начаться выборы президента школы. Подала свою кандидатуру, но взгляд парня дал мне понять абсолютно всё. Он преследовал меня абсолютно повсюду. Мне казалось, что за углом Артём Шнайдер меня может избить или даже убить. Но я не могла сдаться. Что-то внутри толкало меня вперёд. На каждый взгляд парня реагировала так, будто ничего не понимаю.

– Думаешь, это твоё? – усмехнулся парень.

– Если не я, то кто? – спросила довольно спокойно, делая вид, что со мной разговаривает обычный человек. Хотя знала, что Шнайдер не приветствует такого тона.

– Воу, не прыгай выше своей головы. Хотя...

Я подняла свой взгляд. Он был высоко роста, обычного телосложения. Многие примечали на физкультуре, что у него неплохой пресс. Но из-за футболки никто так и не смог оценить точно. Я на фоне этого парня казалась худенькой, маленькой девочкой. Шнайдер был бы не Шнайдер, если бы не вставил шутку про мой рост.

– Хотя можешь прыгать, тебе это всё равно мало поможет.

Я никак не отреагировала. Только развернулась, чтобы положить в рюкзак тетрадь для сочинений.

–Зачем тебе бессмысленная борьба?

Промолчала. Вместо того, чтобы ответить парню я достала влажную салфетку из рюкзака и начала протирать кроссовки.

–Эй, ты, – крикнул Артём.

–А ты ещё здесь, – проговорила я, позевая, – прости мне некогда. Надо готовиться к выборам.

Когда начала проходить мимо Артёма, то в спину мне что-то прилетело. Даже было неинтересно что. Ещё одного такого диалога я не выдержала бы. Продолжение было бы печальным. Наверное, мои слёзы бы отошли от вековой хладнокровности и дали о себе знать. Но я до такой степени уже не помню, каково это плакать, что мало представляю такую ситуацию.

Моих нервов не всегда хватало отвечать парню. И я, придя домой, закрывала свою комнату на замок, чтобы посидеть в одиночестве в кругу сектантского круга из таблеток. Они это всё, что помогает мне жить. В эти минуты я начинала медленно перебирать их своими пальцами, читать состав, раскладывать по коробочкам, ставить на полочку. Но на следующий день, когда нервы сдавали, эти коробочки летели на пол.

Один из таких дней, вернувшись домой, снова закрылась в комнате. И вот я уже повторяя про себя, будто стих, состав

таблеток, в дверь кто-то постучался. Это была мама. Мама попросила войти. Не открыть дверь маме? Человеку, которого я боюсь до мурашек? А если завтра не проснусь? А если завтра проснусь в детском доме? Последняя мысль меня на мгновение остановила, ведь дальше пошла другая: «А может это к лучшему?». Но моя совесть стукнула меня по колену, и оно невольно выгнулось.

Она вошла своей гордой походкой, моя голова невольно опустилась, а ноги подкосились. Стало жутко от этого взгляда. Пожалуйста, можно не надо? Мне хватает унижений в школе, мне хватает безразличия. Ты же мама. Почему же настолько хладнокровна к своей дочери?

—Я тут слышала, что ты подала свою кандидатуру на президента школы. Ну, что ж. Не позор семью, поражение даже не принимается.

Даже не посмотрела на меня и вышла. Меня затрясло изнутри. Что я могу сделать? Как сказать человеку, который не знает слово поражение, о том, что это невозможно. Невозможно выиграть. Все мои усилия будут бессмысленны. Я проходила это уже и не раз.

Лежала на полу, глядя в потолок. Думала о том, что возможно все шаги к вершине уже бесполезны. И что мне суждено умереть на дне. Если бы мои пальцы каждый раз не спихивали, когда они зацеплялись о край вершины, то возможно было бы всё по-другому. А может это к лучшему? Ведь мне как никому было известно, что там наверху меня ждала

только одна бессердечная чудачка, которая не оставила мне выбора в жизни. Смерть. Я чувствовала её взгляд снизу. Она ждала, когда я уже поднимусь к ней. То чувство, когда успех будет поражением. Но нельзя, моё воспитание не позволило мне сидеть сложа руки, поэтому я всю ночь писала речь. Делала всё возможное, чтобы победа хоть чуть-чуть могла оказаться в моих руках. Не заметила, как время приблизилось уже к подъёму. А я даже не ложилась. Отец, увидев меня в таком состоянии, лишь покачал головой, а потом заставил идти в школу.

—Я слышал, что ты подала свою кандидатуру на президента школы, — начал со мной диалог отец. Хотя нет, это были всегда монологи. В семье моё мнение и слово ничего не значило. Как и я сама.

—Ну, что ж, раз подала, то выигрывай. Ты сможешь.

Мне даже перехотелось спать в этот момент. Отец сказал мне, что я смогу? Не унизил, не прочитал нотацию, а просто по-отцовски сказал, что смогу.

Улыбнулась.

Не улыбалась так давно, что даже не получилось. Но так приятно на сердце мне не было никогда.

Я смогу.

Подошла к двери класса. Услышала, как кто-то кричит моё имя, ставя его на одно место с матом. Сжала кулаки. Снова повторилось. Резко открыла дверь класса. Это был Коля Пивани. Тихий и милый мальчик. Таким его знаю я.

Всегда улыбался мне странно и открывал дверь в столовую. Наверное, в душе относилась к нему лучше всех. Но сейчас он сидел на моей парте с ногами и выкрикивал в мой адрес маты. Встала в ступор. Что мне делать? Это так непривычно, когда тебя унижает другой человек, который до этого так не делал. Стояла в дверях класса и наблюдала за этим. Он встал с парты и громко сказал:

–Что она сделает мне? А те, кто заступятся за неё? Я свободный человек. Что хочу, то и говорю.

В глазах потемнело. Уши заложило. Мне стало в этот момент так плохо, и поняла, что не каждый из нас свободен. Я была в оковах болезни, каждое моё движение контролировалось чем-то извне. Пока я пыталась прийти в себя, закрывая глаза и глубоко вдыхая, в классе наступила тишина. Поняла, что меня увидели. Открыла резко глаза, было туманно, но я вполне могла отличить фигуры людей.

–Чего ты смотришь? – спросил он.

Тяжело вздохнула и сделала аккуратно шаг вперёд. Пыталась не выдать своё самочувствие.

–Я? Как ты думаешь, насколько твоё поведение нормально по отношению ко мне в настоящий момент? – спросила я повышенным тоном, но я совершенно не слышала себя.

–А твоё по отношению к нам? – он говорил спокойным голосом.

–У тебя ко мне есть какие-то претензии? Говори, – я подошла к этому парню, чтобы разглядеть эти лицемерные глаза.

–Ты думаешь, что лучшая?

Я почувствовала боль на своей щеке. Коля ударил меня. Туман ушёл. Коля смотрел на меня так, будто я его предала. А потом в его глазах прочитался страх. Я усмехнулась, хотя мне было совсем не до смеха. Так унижать меня мог только Артём. Почувствовала адскую боль в голове. Не могла ничего придумать, чтобы как-то отреагировать на это действие. Я ведь думала, этот человек, которому могу доверять на духовном уровне. Мне стало так больно от этого поступка. Это был нож в спину. Мне сразу вспомнилось, как Коля Пивани поддерживал меня во всём, как помогал донести тяжёлые книги. Вспомнила, как он как-то возразил Артёму Шнайдер по поводу меня. Вспомнила его искреннюю улыбку в сторону меня. И всё это разрушилось о поступок. Мне хотелось расплакаться от предательства, но меня отвлёк свист у двери. Там стоял Шнайдер.

Он медленно прошёл до меня, посмотрев с висока. Наверное, до этого никто настолько близко не находился со Шнайдер. Его глаза смотрели мне прямо в душу. У него настолько глубокий и проникновенный взгляд, что казалось, будто он видит тебя изнутри. Только через пару секунд я поняла, что Шнайдер стоит в полуметре от меня. Насколько близко – даже для меня дико. Я немного отшатнулась назад, а он нахмурил брови. Артём немного наклонил голову ко мне, разглядывая щёку. Забыла, как дышать. Моргать. Говорить. Забыла всё. А гробовая тишина только всё угнетала.

Артём Шнайдер положил свою руку на мою щёку и шёпотом спросил:

– Больно?

– Не твоё дело, – резко ответила и отвернула свою голову. Что за внезапное проявление нежности? Подумал, что так смогу уступить ему место в первенстве? Ну, уж нет. Была уверена, что это один из способов столкнуть меня. Мы будто играли в царя горы. Каждый шёл на то, что только мог. Но применять нежность в борьбе – это слишком.

– Поговорим? – теперь я слышала за своей спиной уже не тот милый шёпот, а грубый голос, предвещающий беду. Он, что заступился за меня? К чему это?

Что это было? Ему стало не по себе от того, что его жертву унижает кто-то другой? Так что он ещё и собственник?

Но мои одноклассники думали иначе. На уроках я буквально чувствовала просверливающие взгляды. Мне самой было стыдно за этот поступок. Теперь все будут думать, что я слабая. Что не смогла ответить какому-то там парню. Что за меня заступились. Теперь я потеряю авторитет окончательно.

Но как бы я не могла заполнить свои мысли, мне было интересно, о чём Шнайдер разговаривал с Колей.

Обо мне?

Эту мысль сразу свернула и выкинула в урну. Его Величество никогда не будет разговаривать о таких смертных, как я. После уроков Шнайдер остался в классе и попросил остаться

меня тоже. Когда все ушли, он проговорил:

–Как твои успехи?

–Ближе к делу, – процедила я. Понимала, что если сейчас опоздаю домой, то отложиться приём таблеток, ужин. Это всё отложиться, а моя жизнь нет.

–Никакой благодарности, – парень закатил глаза и резко подошёл ко мне ближе, но оставил между нами два метра.

–Чего ты хочешь? – спокойным голосом спросил Шнайдер.

–Быть лучше тебя, – мне оставалось говорить правду, чтобы поскорей закончить диалог.

–Тебе мало того, что ты лучше остальных?

Времени не было. Мои глаза бегали из угла в угол. Голова начинала раскалываться от напряжения. Почему-то решила, что сейчас умру. И стало так пусто. Пусто от того, что я никто. Даже Шнайдер сейчас, когда разговаривал со мной, говорил так, будто меня нет. Пыталась сосредоточиться хотя бы на одном его слове, но боль в висках давала о себе знать. Быстро достала из сумки таблетки. Потом оглядела класс, в углу нашла кран. Уже не помню, как оказалась у крана. Как пыталась ладонями собрать воду, чтобы запить таблетку. Меня окутала паника. Тело начинало дрожать. Когда поняла, что ладонями я соберу только капли, то пришлось подставлять голову под струю воды.

–Ты в порядке? – Шнайдер подошёл ко мне, пытаюсь оглядеть. Через силу, проглотив горькую таблетку, я толкнула его

и пошла домой. Глупый вопрос. По дороге стало легче. Но у дома я резко почувствовала себя хуже. Заболел живот. Возможно, я хотела сильно есть. Но меня ждало разочарование. Мои родители давно поужинали. В семье было такое правило: «Опоздал на еду – не ешь». Но отец сидел ещё на кухне. Мне не хотелось, чтобы он меня видел, что я опоздала, что в таком состоянии. Но увы.

–Какие оценки получила? – спросил отец, заметив, как я пытаюсь тихо пройти в комнату.

Когда я повернулась к нему лицом, чтобы ответить. Уже сконцентрировалась и собралась с мыслями, то папа сказал:

–Понятно.

Привыкла, что они делают вид, будто я им отвечаю. Привыкла делать вид, что привыкла.

Завтра я должна была показать свою речь директору, чтобы меня допустили до выборов. Но сейчас я почему-то смотрела в стенку и вспоминала веснушки Шнайдер.

Почему парень с такими милыми веснушками, такой холодный?

Вытянула руку вперёд и представила его. Будто дотянулась. Будто дотронулась до веснушек. Может они не такие холодные? Может они горячие? Но мои мечтания прервал кашель. Боль чувствовалась по всему телу, начиная с горла и заканчивая коленями. Я еле как дотянулась до зелёной баночки с большими круглыми таблетками, достала одну и проглотила. Нельзя тратить своё время на глупые мыс-

ли, нужно собраться и начать редактировать речь. Иначе ещё один провал.

Ручка выпадала из рук, буквы на бумаге были корявыми. Но я не сдавалась. Я сильнее, чем моя болезнь. Я сильнее, чем кто-либо. Я способна на большее. Не заметила, как уснула за рабочим столом. Проснулась, когда за окном появились первые лучи солнца. Быстро собралась в школу, выпила таблетки и спустилась вниз. На часах было только шесть. Дома была тишина. Я смотрела в зеркало, которое висело в прихожей напротив маленького диванчика. Во мне не было ничего примечательного. Обычные черты лица. Обычный размер глаз, обычный нос, даже взгляд у меня обычный. Почему все говорят, что мои черты лица такие же резкие, как и я? Обычная. Совершенная обычная. У меня даже волосы были обычной средней длины и обычного русого цвета. Наверное, единственное, что выделялось на моём лице это шрам на виске. Упала в детстве с качели на бетонный поручень. Все думали, что я умру. Но судьбой мне суждено умереть от другого.

И вот на часах пробило семь. А потом полседьмого. Позавтракав, пошла в школу. Новый школьный день. Снова стояла у дверей класса прежде, чем войти. Хотелось на этот раз без сюрпризов. Но была тишина. Значит Артём уже в классе. В классе всегда тишина, когда там Артём. Все боялись сказать лишнее слово, ведь этому парню могло не понравиться что угодно. В прошлый раз ему не понравилось,

что Анжелика, наша одноклассница, попросила свою подружку сходить с ней в туалет. Больше никто ни о чём не просит у других.

Глубоко вдохнула и медленно вошла.

—О, Александра, а я так соскучился, — подняла глаза выше. Это был Шнайдер. Он улыбался той улыбкой, которую ненавидели все. Ничего хорошего она не означало. Сделала вид, что не заметила его.

—Думаешь, что самая лучшая?

—У меня какое-то дежавю? — немного усмехнулась.

Снова, снова. Почему хотя бы один не может начаться нормально? Почему я не могу спокойно зайти в класс и сесть за свою парту? Почему этот парень не даёт мне спокойно жить?

—Говори пока можешь, ведь я сотру тебя и твоё имя в клочки. Если вчера и заступился за тебя, то поверь мне просто захотелось. Это ничего не значит. Ты для меня, как и все, полный ноль.

—А сам? Сам тоже полный ноль.

Артём Шнайдер подошёл ко мне так же близко, как и вчера. Только теперь он смотрел на меня по-другому. Виделась какая-то ненависть. Думала, что сможет убить меня взглядом. Но всё оказалось куда хуже. Он просто плюнул мне в лицо. Ну, спасибо. Но у меня даже не дёрнул глаз. Я лишь снова усмехнулась. Я же не могу показывать свою слабость, поэтому произнесла:

—У тебя даже слюни обычные. А строишь из себя Бога.

Заметила, как его кулаки сжались, а брови нахмурились.

Его рука взяла мой подбородок.

—А ты знаешь, что твои одноклассники считают тебя страшной?

После этой фразы он отпустил меня и пошёл за дверь, но я успела крикнуть ему в след:

—А ты, как и все? Тоже только по внешности судишь?

Никто не видел, но я плакала. Плакала в себя. У меня дрожали кончики пальцев, в моих глазах начинало темнеть. Но Шнайдер даже не посмотрел на меня. Я для него, как и для своих родителей, пустое место. Мне можно было молчать, он бы сам справился и без моих слов. Шнайдер бы всё сделал сам. Наверное, я всё-таки лишняя. Наверное, я нужна была в этом мире только для того, чтобы на мне отыгрывались. Иногда так и хотелось крикнуть: «Что же вы будете делать, когда меня не станет? На ком вы будете спускать пар потом? Кто? Кто, если не я?».

Пошла в женский туалет, чтобы умыться. Пока сидела в кабинке, услышала диалог своих одноклассниц:

—Да, да, представь плюнул.

—Вчера заступился за неё, а сегодня плюнул?

—Что это означает? Теперь она никто? Можно не строить из себя хорошеньких при виде неё?

—Ох, знаешь, этого Шнайдер не поймёшь. Он мне как-то нравился, и я пыталась добиться от него хоть что-то про

Александрю Берн. Ничего не ответил. После вообще перестал обращать на меня внимания.

–Перестал обращать? Ага. До этого то хоть обращал?

–Хотя бы здоровался. Отвечал мне на моё «привет».

Не могла больше слушать этот бред. Меня почему-то передёрнуло, когда я услышала последнюю фразу. То есть с какой-то там девочкой он здоровался, а со мной никогда? То есть единственного, чего я заслужила, – это плевок в лицо? Что может быть унижительнее?

Вышла из кабинки. Девушки сразу замолчали, переглянулись и вышли. Оперативно.

У меня же теперь нет шансов выиграть Шнайдер в выборах. Думала у меня начнётся истерика, но звонок на урок спас меня. На уроках пыталась сосредоточиться. Но я чувствовала, как мои последние нервные клетки умирают.

Наконец-то последний урок кончился. Оставалось только сходить к директору, чтобы показать свою речь. Но Шнайдер меня опередил. Он буквально хлопнул передо мной дверью. Пришлось сидеть у дверей больше двух часов. Родители же не пустят меня домой. Мои глаза покраснели. Почему Артём такой противный? Казалось, что он всё это делает специально. Достала из портфеля красные таблетки и выпила. Во рту стало кисло. Казалось, что сейчас вырвет. Я уже встала, чтобы бежать в ближайший туалет, иначе мои внутренности лежали бы у двери директора. Но дверь в кабинет директора открылась. Оттуда вышел самодовольный Артём.

–Тебе даже нет смысла туда идти, – произнёс парень, даже не посмотрев на меня. А я не смогла ничего ответить, потому что закрыла рот рукой. Было желание использовать Артёма Шнайдер, как туалет, но моё воспитание мне этого не позволило. Медленно зашла к директору. Она уже собирала сумки.

–Здравствуйте, – проговорила я.

–Здравствуй, Александра Берн, ты что-то хотела? Мы уже обсудили все нюансы с Артёмом Шнайдер. Я всё поняла.

Встала в ступор. Меня что вообще нет?

–А меня вы не хотите выслушать? Я что зря готовила свою речь?

–Я же сказала, что уже поговорила с Артёмом. Я всё поняла. Больше нет кандидатур, можешь идти и не сомневаться.

В чём не сомневаться? В проигрыше? Почему она слушала Шнайдер почти два часа, а на меня не может потратить даже минуту своего драгоценного времени? Директор показала мне на дверь. Вышла, следом вышла она, закрыв кабинет. Я ещё минут пять стояла у этого кабинета и не понимала, что происходит. Я ещё жива, а вы уже списали с меня счёты?

На следующий день Артём ходил так, будто победа уже у него. Он не сказал ни слово. За весь промежуток времени, пока мы учились вместе, это было впервые, чтобы Шнайдер просто прошёл мимо меня. Парень просто смотрел и усмехался. Это так давило. Так становилось от этого не по себе. Теряла надежду в себя. И вот перед самым выступлением,

мои руки начали предательски дрожать, а голова раскалываться. Неужели не смогу выступить?

Я стояла за кулисами. Должна была выступать первой. Чувствовала, как мои ноги становились ватными. Начинало темнеть в глазах. Помню сильный удар головой. А дальше ничего не помню.

Когда я очнулась, то лежала в больничной палате. Врач смотрела на меня, а потом произнесла:

–Твоё лечение тебе не помогает. По-моему, твой организм совсем ослаб. Посети, пожалуйста, больницу в ближайшие дни.

Я смотрела на неё и чувствовала, как по моей щеке стекала слеза. На моём лице появилась улыбка. Скоро конец, а я тогда не знала радоваться мне или плакать. Медсестра подала мне платок и аккуратно посадила.

–Ты как себя чувствуешь?

Мне было тяжело сосредоточить свой взгляд на чём-то одном. Видела перед глазами только расплывчатые предметы. Кивнула головой.

–Выпьешь таблетку? – женщина подала мне стакан воды и три таблетки. Быстро их выпила, а потом спросила:

–Сколько времени?

–Доходит девять часов вечера.

Я всё пропустила? Мои шансы теперь точно равны нулю. Теперь мама никогда не будет гордиться мной. Теперь я для неё точно стану никем.

–Позвоню твоим родителям, чтобы забрали тебя? Или останешься здесь?

–Позвоните, – шёпотом произнесла я.

Я разрыдалась, как маленькая девочка, когда осталась в палате одна. Мои руки не успевали убирать со щёк слёзы. Я не хотела заканчивать свою жизнь поражением. Я не хотела умирать никем для своих родителей. Я не хотела умирать, не выиграв, у Артёма Шнайдер ни разу.

Но, по-моему, выбора у меня не было.

Скоро за мной приехал отец. Села к нему в машину. По дороге он не спросил, как моё самочувствие. Он только посмотрел в мои красные глаза и нахмурился.

–Как дела? – спросила я.

Но, наверное, отец подумал, что спросила я у пустоты.

–Такая погода хорошая. Начало осени – это прекрасно, – продолжила я.

Услышала, как отец вздохнул. Хотелось крикнуть ему в ухо: «Я ещё живая! Поговори ты со мной! Это не сложно! Я твоя дочь! И ещё пока живая дочь!». Но поняла, что боюсь не услышать после этой фразы ответ.

Домой забежала в свою комнату и сразу упала на пол, свернувшись в калачик. Смотрела в окно. Может выпрыгнуть? А потом отвернулась от него.

Снова новый школьный день. Зашла в класс прямо перед звонком, чтобы не слушать то, насколько я вчера облажалась. Никто не сверлил меня взглядом. Даже Шнайдер не

смотрел в мою сторону. Вроде бы должна была быть счастлива, но это не придавало мне никакого энтузиазма.

После уроков ко мне подошёл Коля. Сказать, что я была удивлена -ничего не сказать.

–Александра, прости, что я тогда наговорил всякого.

–И что ты сейчас хочешь от меня? – холодно спросила я.

–Может быть, ты составишь мне пару на бал? – его язык заплетался. Волнуется? Если человек волнуется, то искренне этого хочет?

–Бал? – я упустила какой-то момент жизни?

–Ну, выборы президента всегда сопровождались осенним балом. Ты забыла? В том году тебя не было, а в этом ты всё-таки кандидат. Я подумал, что ты пойдёшь. И позвал тебя.

–Хорошо, – я считала, что только слабые не могут простить. Считала себя сильным человеком. Но сейчас я могу смело сказать, что простить предательство Николая Пивани – это был лучший поступок за всю мою жизнь.

–Ты серьёзно?

Кивнула головой. Почему бы и нет? Покажу этому Шнайдер, что я тоже на что-то способна.

Пивани улыбнулся мне, а после он забежал в раздевалку, и я слышала, как он крикнул: «Сама Александра Берн согласилась со мной идти». Это так глупо. Но мило. Если бы кто-то ещё так радовался мне, то, наверное, я чувствовала бы себя нужной.

Когда я пришла домой, на пороге стояла мама. Она пока-

зала мне на пакет в её руках, а потом произнесла:

–Тут платье тебе на бал.

Откуда она знала, что я пойду? Ах да. Она не знала, она хотела. Даже если бы я не пошла, меня бы выпнули из дома. Надев платье, подошла к зеркалу. Могла бы спросить моего мнения при выборе одежды на выпускной. Я понимала, что моё мнение мало кого волновало. Но всё-таки. Я не любила платья. Мой повседневный вид всегда были серые джинсы, рубашка, поверх которой обычно я носила кофту на замке. Иногда просто натягивала майку и накидывала джинсовку. Возможно, поэтому в школе девочки не совсем женственные. Я для них, как пример подражания.

После того, как она оценила длинное платье на мне и решила, что девочки ростом 157 в длинном платье очень даже ничего, она заставила идти меня к парикмахеру, чтобы меня привели в порядок. Я не любила расчёсывать волосы, не любила, когда к моим волосам и к моей голове кто-то лезет. А парикмахерские для меня были сравнимы с психологической травмой. В эти моменты мои нервные клетки покидали моё тело молча и быстро. Причёски, которые мне там постоянно делали, не смотрелись с грустным и сердитым выражением лица, поэтому всё было бессмысленно.

Дома оглядывала длинное платье, которое теперь висело на стуле, а не на мне, и не могла понять, что с ним. Оно вроде красивое, а вроде нет. На часах было ещё около двух часов до балла. Сняла кофту, оставшись в майке, потом выпи-

ла серую жидкость, стоявшую в бутылки для воды. В день мне нужно было её пить сколько же, сколько нормальному человеку воды. В дверь кто-то позвонил. Сделала ещё пару глотков. На этот раз обошлось без рвотного рефлекса. Потом позвонили ещё раз. Уже пришёл Коля? Спустилась.

Открыла.

Там стоял Артём Шнайдер. Он улыбнулся, увидев меня. Посмеялся над тем, что я в лохмотьях и лохматая?

–Замаралась, – он дотронулся до моей губы и что-то с неё убрал. Потом только вспомнила, что от серой жидкости остаются следы на губах. Немного была в недоумении. Он дотронулся до меня, а мне показалось в этот момент, что моё сердце ушло в пятки. Что со мной?

–Что-то хотел? – спросила я, сделав вид, будто ничего не чувствовала сейчас.

Артём Шнайдер сделал один шаг ко мне, взяв мою руку, а потом командным тоном произнёс:

–Ну, что, пошли.

Пока я стояла и моргала глазами от непонимания происходящего, Шнайдер потянул меня за руку.

–Куда? – крикнула я, пытаюсь выдернуть руку. Парень остановился, посмотрев на меня, а потом спокойно произнёс:

–На бал.

–Ты нормальный?

Он немного наклонил свою голову ко мне. Почему его вес-

нушки такие тёплые. Если бы он ничего не сказал, то, наверное, я дотронулась бы до них, чтобы понять, какой этот парень на самом деле.

–Ты же со мной идёшь? – его самоуверенность куда-то пропала, во взгляде читалась растерянность.

–А ты звал меня? – крикнула я.

–А разве это не очевидно, что я хочу этого? – он сделал ещё один шаг ко мне. Теперь Шнайдер стоял настолько близко, что о личном пространстве даже не могла идти и речи. Я поняла, что не дышу, что не знаю, как ответить. Но собравшись с мыслями, дала отпор:

–Не очевидно.

Резко сделала шаг назад, выдернув руку. Меня скоро начнут раздражать его проблески нормального отношения. Если бы он по-настоящему хотел идти со мной, то, наверное, позвал бы? Наверное, хоть как-то намекнул на это? Пока шла до двери в дом, даже не посмотрела в его сторону.

Но как сразу дверь закрылась, и я оказалась дома, то подумала: «Боже мой, почему его веснушки такие милые? И сам он становится таким милым мальчиком, когда подходит близко, обнуляя свой принцип личного пространства». Но это ничего, совершенно ничего не значило. Это всего лишь его игра. Ему стало скучно, и он решил поиздеваться надо мной. Всё просто. Чего ещё ждать от такого, как Артём Шнайдер?

Но не смотря на все мои мысли, я открыла дверь, чтобы

посмотреть, ушёл Артём или нет. Но его уже не было. Почему-то заплакала. Сама это поняла лишь, когда посмотрела в зеркало и увидела слёзы. А потом громко засмеялась. Истерика. Снова эта истерика. Не было бы её, если бы с моей нервной системой всё было хорошо. Но ведь именно он. Именно парень с веснушками виноват в этом.

Сидела напротив зеркала на коленях и не понимала. Не понимала, что чувствую сейчас на самом деле. Ненависть или что-то другое?

Через час пришёл Коля. Мы шли молча. Он шёл в трёх метрах от меня.

–Я не против, если ты нарушить моё личное пространство и подойдёшь на метр ближе или два, а может даже три, – спокойно произнесла я.

–Точно, ты же не Шнайдер, – он не сделал ни шага ближе в мою сторону. Тяжело вздохнула.

–Почему все постоянно нас сравнивают с Артёмом Шнайдер?

–Честно? Меня потом Шнайдер не побьёт?

–Побьёт? – остановилась. Странная реакция.

–Тебя уважают, потому что Шнайдер так сказал. Ну, и потому что ты такая же.

Коля остановился, посмотрел на меня, а потом продолжил:

–Холодная. Но ты мне нравишься, у тебя классные идеи. У меня не было основной цели унижить тебя, просто накин-

пело. Из-за тебя мне прилетало не раз. Думаю, ты даже не в курсе.

–Зачем ты тогда взаимодействуешь со мной?

–Ты хорошая. Хочу понять тебя, может, ты на самом деле добрая и открытая.

–Нет, – усмехнулась.

–Ладно. Нет. Общаюсь, потому что Артём был моим другом. Никто не знал об этом, потому что дружил он со мной, пока никто не видит. Артём Шнайдер, он же самый милый мальчик, которого я знаю. Ты видела его веснушки? Никто не видел. А я видел. Они мне показали истинного Артёма.

Я снова остановилась. Улыбнулась. И мне эти веснушки показали истинного Артёма.

–Почему же перестали общаться? – вопрос напрашивался сам собой.

–Ну, мы тогда остались у меня. И я позвал к себе других друзей. После Артём стал меня игнорировать. Я пытался вернуть наше общение, пытался вернуть его добрый взгляд, но всё было безуспешным. Единственное, что удалось мне выдать у него за два года это: «Наша дружба была только наша». Ты напоминаешь мне его. Улыбка у тебя такая же милая, как и у него.

Это был самый милый диалог про Артёма Шнайдер за всё время обучения в этой школе. Обычно я только слышала: «Артём? Ты произнесла его просто по имени? Тихо, вдруг услышит, что мы разговариваем про него. Нет, нет, мы не

бессмертные. Отличный парень, просто класс, он же по-любому сейчас слушает?».

–Он хороший друг? – я сама сделала два шага в сторону Коли, чтобы нарушить этот невидимый барьер.

–Он, – Пивани улыбнулся, – замечательный.

–В чём проявляется его замечательность сейчас?

Мне хотелось больше узнать этого парня.

–Тебе ли спрашивать?

–А что со мной не так? – почему Коля так странно реагирует на мои вопросы?

–Он же всё делает для тебя.

–Что? Он ненавидит меня!

–Разве? Не думал, что эта ненависть. Ведь это именно он отнёс тебя в больницу, когда твои родители не ответили на звонок перед речью. Именно он прописал мне в живот, когда услышал в твой адрес мат.

Я хотела что-то ответить, но ничего не придумала. Это было неожиданно. И пока думала на эту тему, мы подошли к школе. Коля Пивани, взял меня за руку.

–Ну, сегодня ты моя пара.

Я улыбнулась и подумала, что лучше так, чем думать о парне с самооценкой с десятиэтажный дом.

Мы танцевали, но я чувствовала себя как-то некомфортно. Искала глазами Артёма Шнайдер, но его не было. Буквально через минуту должны были сказать результаты, а этого парня нигде не было. Пришлось оставить Колю. Что-то

двигало мной в этот момент, и я как бешенная бегала по залу и искала этого эгоистичного парня. Нигде не было. Спрашивала у одноклассников, но все лишь пожимали плечами.

Меня объявили победителем, но Артёма так и не было. Но неужели за меня проголосовали больше, чем за него? Мне мало в это верилось. Вроде меня должно распирать от счастья, но ночью я плакала. Всё не то. Не так. Не чувствовала вкус победы. Даже когда меня обняла мама, поздравив с победой, то мне показалось это обычным.

Всю ночь думала, почему не пришёл Шнайдер. А что, если что-то случилось? Утром еле как встала. На улице уже было прохладно. Теперь легче заболеть, слечь в больницу. Небо было бледным, как и моя кожа, а листья на берёзе выглядели такими же мёртвыми, как и мой внутренний мир. Перед дверью в класс меня передёрнуло. А вдруг его там нет? И смысл мне заходить? Для чего? Но Шнайдер был на своём месте. На следующей перемене хотела узнать в чём проблема, но парень лишь с высока посмотрел на меня, а потом оттолкнул.

–Что ты за человек-то? – крикнула ему в след.

Но реакция на меня была нулевая. Как будто меня не было. И вчерашний день в моей голове обнулится. О какой победе может идти речь, когда я осталась пустым местом? Неужели чего-то ожидала большего? Разве можно выиграть человека, который остаётся победителем после каждой битвы, независимо от результата игры.

На следующий день ничего не изменилось. Так продолжа-

лось неделю. Я приходила домой, садясь на свою кровать, и смотрела в окно. В руках у меня было, как на весах, одинаковое количество таблеток. В правой руке три жёлтых, в левой две красных и одна белая. Выпивала их за раз. А потом меня тошнило. Крутило живот, и я понимала, что от таблеток мне не становится лучше. Не могло же это всё произойти из-за Артёма Шнайдер.

Если мне тяжело принять тот факт, что я для него никто, то может стать его другом?

Подумала, что помочь мне может только человек, с которым Артём уже когда-то дружил. В школу собралась быстро. Эта идея будто была моим жизненным сосудом. После уроков подошла к Пивани и спросила:

–Занят?

–Когда? – спросил парень, убирая учебники в портфель.

–Сейчас, у меня к тебе есть заманчивое предложение, – с энтузиазмом проговорила я.

–Ох, слушая, – он сел на стул и поднял голову вверх.

–Мне бы хотелось поговорить с тобой, не составишь мне компанию до дома?

Парень с улыбкой согласился. В этот момент мне показалось, что на нас смотрел Шнайдер, но когда я повернула голову в его сторону, то он смотрел в потолок.

Сначала мы разговорились про учителя географии. Пивани рассказал, как она его недолюбливает и как смотрит на него с презрением. А потом остановился и спросил?

– Ну, что? Только без предысторий, говори прямо. – спросил Коля.

– Как начать общаться с Артёмом? Стать его другом? – выпалила я.

– Чего? Ты же нравишься ему, вы общаетесь. Нет?

– Нравлюсь?

– Когда он общался со мной, то нравилась. Говорил, что вы с ним друзья. Он, по-моему, из всей школы только с тобой разговаривает.

– Глупость, – тяжело вздохнула. Коля не сможет дать мне совета. Он такой же, как и все остальные. С чего я решила, что этот парень чем-то может мне помочь? Обычный. И что в нём только нашёл Шнайдер?

Когда он проводил меня до дома, то по-дружески обнял. Мы разошлись.

Следующий день начался странно. С утра я проснулась с распирающей болью в голове. Мне было так больно, что казалось, будто у меня пойдёт из ушей кровь. Когда отец зашёл ко мне в комнату, чтобы напомнить про завтрак, то я не услышала его. Мои уши были заложены. Я громко крикнула, чтобы проверить свою теорию, но я не слышала себя. От страха выпила больше пяти таблеток, может даже больше десяти. Я не помню. Мной овладела паника, руки дрожали, мозг отказывался работать. По дороге в школу замёрзли ноги. Ветер был северный. Что могло ещё испортить этот день? Казалось, что хуже ничего не может быть. Я ошибалась. Ко-

гда начала подходить к школе, то увидела Шнайдер на лавочке у школы. Он смотрел на меня.

–Подойди, – сказал он. Сейчас бы разговаривать со мной таким тоном. Но подошла. Не знаю почему. Не захотелось. Не было у меня настроения. Думала только о том, чтобы побыстрее зайти в школу и согреть ноги, ведь могла заболеть. А при моём состоянии последствия болезни – смерть.

–Что друг появился? Как оно? Целовались уже? Обнимались вчера так мило. Проводил тебя до дома. Классно. Ну, удачи. Даже на бал с ним ходила. Что нашла-то в нём? – крикнул Шнайдер мне в спину. Медленно развернулась. Что за вопросы? Откуда информация? Следил что ли?

–А ты сам что в нём нашёл?

–Это уже не твоё дело, – крикнул Шнайдер. Я усмехнулась, сделав шаг к нему.

–Вот и именно. Я тебе отвечу также. Это не твоё дело.

Улыбнулась, понимая, что не безразлична ему, а потом резко развернулась и хотела было уйти, но Артём встал и схватил меня за руку, притянув к себе. Наши тела соприкоснулись, его рука легла на мою талия. Я слышала, как его сердце бешено стучит. Я чувствовала его запах. Я чувствовала его. Моя ладонь опустилась ему на спину, а его рука ещё крепче притянула меня.

–Александра Швец, ты мне противна, – как-то сильно тихо проговорил Артём, уткнувшись мне в волосы. Противна? Эйфория резко превратилась в ярость. Вырвалась из цепких

объятий Артёма Шнайдер и голосом, по которому было понятно, что я на грани истерики, проговорила:

– Мне-то что? Мне же не общаться с тобой! – чувствовала, как к моим глазам подступали слёзы. Ненавижу этого парня с веснушками. Артём только усмехнулся и ушёл, задев моё плечо. Осталась наедине со своими мыслями. Нет, нет. Наедине с концом своей жизни. Я чувствовала, как на горле завязывался тугой канат. Ошиблась? Неужели из всех, мой выбор пал на него? Почему Артём Шнайдер – это одновременно горе и счастье?

Когда я заходила в класс, мои глаза были красными и полны слезами, но я пыталась держать себя в руках, однако этого не скроешь. Заметила, как все очень странно начали смотреть на меня.

Не видели, что ли как плачет человек?

– Перестань разводить тут океан, – произнёс Шнайдер, когда увидел меня.

– Тебя не спросила, – закатила глаза.

– А ты спроси хоть раз меня о чём-нибудь, – он повысил голос на меня, став из-за парты.

– Зачем ты это делаешь? Зачем заставил всех меня бояться? – убрала слёзы со щёк, резко подошла к нему и задела. Что же он сделает сейчас?

– Личное пространство, – произнёс парень, сделав шаг назад.

– Свои два метра ты нарушил сам. Если нравлюсь, то ска-

жи. Боишься? Боишься публики? – сейчас мне хотелось лишь слышать да, но где-то внутри я понимала, что услышать да от Артёма Шнайдер так же нереально, как и увидеть его близко стоящего с кем-то из одноклассников.

–Глупая, – Артём рассмеялся. Наклонил свою голову к моей и тихо произнёс:

–Ты серьёзно думаешь, что кому-то можешь нравиться, кроме Коли, который тоже никому не нужен? Вы два сапога пара, такие жалкие. Я сочувствую вам.

–А я тебе, – его глаза были ко мне настолько близко, что смогла разглядеть в них что-то доброе, но, по-моему, мне это показалось. – Сочувствую, что природа не наделила тебя такими качествами, как друг и хороший человек. Ты мне неприятен.

Шнайдер бы продолжил со мной диалог, если бы не звонок. Нет, он не усмехнулся на этот раз. Он ничего не сделал.

Из-за всей этой суеты у меня совсем вылетело из головы, что по школьным планам должна быть завтра дискотека. Как президент школы осталась в спортивном зале, чтобы проследить за подготовкой. Коля Пивани участвовал в этом.

–Я слышал этот диалог, – произнёс парень, пытаясь надуть воздушный шар.

–Нам обязательно об этом говорить? – проговорила, отрывая чёрную нитку.

–Нет, как дела твои? – парень улыбнулся, а потом что-то крикнул своему знакомому, надувающему шары.

–Ну, знаешь, сегодня была контрольная...

И мы разговаривали. Обычно разговаривали. На обычные темы. Было так просто и легко. Без негатива. Это был настолько искренний человек, что его глаза горели, когда я говорила о том, что в моей жизни есть и прекрасное, а не только Артём Шнайдер.

На школьную дискотеку надела свои любимые серые джинсы, поверх натянула кофту. Обычно я не хожу на них, но это теперь моя обязанность. Вся ответственность лежала на мне. Сидела на стульях, играя в телефоне. Когда начался медленный танец, ко мне подошёл какой-то незнакомый мне парень. Он протянул руку и сказал:

–Андрей, думаю познакомимся потом. Потанцуешь со мной?

Я улыбнулась. Меня никто не звал на танцы. Боялись. Думали, что не соглашусь. Но я обычная девушка, которая ждёт этого. Я, как все. Увы.

Мы танцевали. Андрей говорил, что эта его любимая песня, он даже немного подпевал. Это меня смешило. Всё было хорошо, пока к нам не подошёл Артём Шнайдер.

–Танцуешь?

Он смотрел на Андрея.

–Выйдем? – спросил парень.

Умеет Шнайдер портить абсолютно всё. Закатила глаза и села обратно на стул. Позже мы все узнали, что на дискотеке была драка. Кто с кем дрался? Никто не знал. Может это

просто слухи?

Проснулась с утра с плохим настроением. Кружилась голова, в глазах темнело. До последнего думала, что ещё сплю, пока не упала рядом с порогом. Ноги стали ватными, еле как дотянулась до чёрной упаковки с таблетками и проглотила одну. Мама сделала омлет, а мне в горло ничего не лезло.

Весь учебный день наблюдала за Артёмом. На его лбу был пластырь, а на руке бинт. На губе была царапина. Всё-таки была драка? Из-за меня? Неужели всё-таки нужна ему? Или это принцип, что кроме него никто не может меня трогать, потому что его игрушка – это только его игрушка? Меня так раздражали мои догадки, что после уроков мне хотелось уйти быстрее, дабы не видеть парня с царапинами на лице. Но у входа мою руку кто-то крепко сжал. Это был Шнайдер.

–Куда торопишься? Меня подожди.

Он потянул меня за руку к своей парте и заставил ждать, когда соберёт портфель. А потом сказал:

–Пошли.

–Куда?

–Куда ты обычно ходишь после школы?

–Домой.

Он кивнул головой и вышел из класса. Мы шли до моего дома молча первую половину. А потом он спросил:

–Зачем смотрела на меня сегодня?

–Значит драка вчера была? – догадалась я.

–А ты так и будешь танцевать с другими парнями? – бурк-

нул Шнайдер, будто обиделся.

–А с кем?

–Со мной, – повышенным тоном произнёс парень.

–Нравлюсь тебе? – смело спросила.

–Ты мне? Артёму Шнайдер может кто-то нравится? Глупости.

–Так почему я должна танцевать с тобой?

–Я лучший.

Тяжело вздохнула. Хорошо, что в этот момент мы подошли к дому. Шнайдер посмотрел на меня, а я сделала шаг к дому и получила по затылку:

–За что?

–А обнять? Или я хуже Коли?

Он протянул ко мне свои руки, и крепко сжал. А потом аккуратно отпустил, посмотрев на меня.

–Пока, – произнёс Шнайдер и развернулся. Он развернулся, а я стояла. Со временем Артём Шнайдер исчез за горизонт. Я бы так и дальше стояла, если бы ветер не дунул мне в лицо. Я как будто очнулась. Боже мой, а если это последний ветер в моей жизни? Боже мой, а если это наша последняя встреча?

Зашла домой. В комнате обнаружила последнюю таблетку в красной коробочке. Неужели снова? Снова придётся идти в больницу? В чёрной баночке оставалось тоже немного. На глазах появились слёзы. Зачем? Зачем я их пью? Мне уже ничего не поможет. Врачи говорят, что это просто апатия и

что без таблеток я бы уже был мертва, как года два.

Сделала уроки, отчиталась родителям. Но меня снова никто не слушал. Ну, и ладно. Так тоже хорошо. В комнате сидела у окна, вспоминая Артёма Шнайдер. Я нейтральна ко всему, но этот парень вызывал во мне все эмоции в перемешку. Мне хотелось кричать при виде него, но вместо этого на моём лице появлялась улыбка.

С утра голова снова раскалывалась. Сколько ещё терпеть? Нормально ли это вообще? Пока умывалась, меня вырвало. Не было ни тошноты, ничего не было. Меня просто вырвало. Из меня вышли все таблетки, которые я приняла буквально минуту назад.

Но несмотря на всё это, я вышла из дома с прекрасным настроением. Ведь я не заболела вчера. Да и сегодня светило солнышко. Стало чуточку теплее на душе, да и быть дома – больше ад, чем что-то иное. На пороге дома стоял Артём. Шнайдер ни сказал мне ничего, просто взял за руку и пошёл. Как я должна была на это отреагировать? У меня даже язык не поворачивался сказать хоть слово. Мы дошли так до класса. Оба молчали. Даже, если я как-то пыталась что-то спросить, то Шнайдер молчал. Даже не смотрел на меня. А перед классом отпустил мою руку. Нет, он это сделала не резко, а очень плавно, что было ему несвойственно. Ведь все его движения наполнялись какой-то своей энергетикой, может он не давал этому отчётности, но выглядели они так, будто продуманы достаточно давно.

На уроках делал вид, что меня нет. Как бы я не смотрела на него, Шнайдер лишь смотрел на учителя. Отвечал. Писал. А я снова никто. Я слышала, как начали обсуждать этот случай. Если бы я была на их месте, то тоже бы обсудила. Но мне увя не с кем. Все решили, что мы пара. Даже моя одноклассница Анжелика спросила, когда я зашла в уборную

–Вы наконец-то вместе?

–Что?

–Просто знаешь, он вчера писал мне.

Закатила лишь глаза и начала мыть руки.

–Не веришь мне? Ты, конечно, особенная, как все думают, но это не означает, что ты должна нравится Артёму Шнайдер. Понимаешь?

–Что ты хочешь всем этим мне сказать? – произнесла я, проявив полное равнодушие, но я слышала, как билось моё сердце. Мне было не безразлично.

–Я о том, что пишет ли тебе Артём? – увидела на её лице ухмылку.

–Не думаю, что вокруг него крутится весь мир. Поэтому его сообщение ничего не значит. Я как бы живу, а не существую. Ни от чего моя жизнь вообще не зависит. Не от тебя, не от сообщений странного парня, не от школьных дел. И то, что я сейчас трачу своё время на тебя – это пусто. Что-то ещё хотела сказать мне?

–Настолько бесчувственная? Ты когда-нибудь любила вообще? – Анжелика вскинула бровь.

– Ни от чего не завишу. Все чувства – это уходящее. А я живу настоящим.

Если бы знала эта девочка, что я почувствовала в тот момент, когда произнесла слова «Настоящим», «живу», «не завишу». Во мне лжи столько же, сколько в Шнайдер эгоизма.

Но я лишь одарила её смертным взглядом, и она ушла. Глупые. Причём мы, а не все остальные. Что мешает нам стать ближе? Принципы?

После уроков медленно шла по коридору. Мне было как-то не по себе. Голова немного кружилась. В конце коридора я увидела Шнайдер с Андреем. Андреем? Это же тот парень, с которым я танцевала медленный танец.

– Эй, ты, давай быстрее, – крикнул Артём.

Но я пошла только медленнее. Меня напрягало, когда он разговаривал со мной таким тоном.

– Ты думаешь, что она нравится мне? – Артём обратился к Андрею. Я заметила на лице Андрея шрамы. Значит, драка всё-таки была между ними. Шнайдер взял меня за волосы и резко наклонил мою голову вниз.

– Ты что делаешь? – Андрей попытался остановить Артёма, ударив его кулаком по лицу, но тот швырнул меня. В полёте я прикусила свою губу и почувствовала на языке вкус крови. О, нет. Только не кровь. Приземлившись, у стены, взялась за голову. Она начала только сильнее кружиться. Еле как смогла разглядеть лицо Артёма, для которого я видимо стало вещью. И увидела, что царапина на его губе раскрови-

лась после удара.

– Она не нравится мне. Но и тебе тоже, – сказал он и немного толкнул Андрея. В этот раз Шнайдер не продолжил драку.

– Давай, конечно, унижай девушек. Ты кажешься более сильным. Все же так делают, – засмеялся. Шнайдер развернулся ко мне.

– Она девушка? – ткнул в меня пальцем.

– А что ты уже не различаешь?

– Тебя не спросил.

– Ты низкий и жалкий. Давай, скажи, что это не так. Скажи, что ты самый лучший! – выкрикнула я. Наверное, моего слова никто не ожидал.

– Андрей, уйди, – приказал Шнайдер и подошёл ко мне.

– А то что? Ты же избьёшь её.

Андрей взял Шнайдер за волосы и прислонил его к стене. Теперь заметила, что по телосложению Артём уступал Андрею.

– Не пожалей о сделанном, – засмеялся Шнайдер, и получил в ответ ещё один удар в лицо. Артём соскользнул по стене и сел рядом. Обнял меня. Опёрся о стену.

– Видишь, я обнял её. Не бью, – съязвил.

– Тебе нравится, что ли? Может, ты уйдешь? – Андрей смотрел на меня. Хотела встать, но Шнайдер надавил мне на плечи.

– Проваливай, – крикнул Шнайдер, пнув Андрея по коле-

но.

–Я не верил до последнего слухам про тебя, Александра, – мотая головой, проговорил Андрей. Он ещё раз посмотрел на меня, а потом развернулся. Ушёл. Мне хотелось встать, но руки Шнайдер мне этого не позволили.

–Ты ничтожный, – мои слёзы пошли не по моей воле. Я так устала от его унижений. У меня был шанс выйти из этой тюрьмы, но даже в этот момент он не позволил мне этого.

–Я ничтожный. Александра Берн, я ничтожный.

Он уткнулся в мою щёку, пододвинув меня к себе ближе. Моё дыхание остановилось.

–Зачем ты настроил всех против меня?

–Все уважают тебя, – прошептал Шнайдер.

–Все ненавидят меня, – опустила голову вниз, на его руку, но сначала внимательно оглядело её, чтобы посмотреть есть ли там царапины. Ведь теперь на моей губе красовалось кровавое пятно.

–Какая разница, что думают все?

Посмотрела на этого парня, чтобы посмотреть в его и глаза и понять: сейчас он настоящий или тогда, когда унижает меня? Но он отвернул голову.

–Поцелуемся? – спросил он, уткнувшись в стену. А потом после моего молчания повернул голову ко мне. Его губы находились буквально в пяти сантиметрах. Они приближались, но моя рана и его рана на губе. Нет, я не могла. Поцеловать его – заразить.

–Нет, – отвернула резко голову.

Резко встала. Немного отряхнулась от пыли, оглядела парня с веснушками с головы до ног, а потом плюнула в него.

–Заслужил, – спокойно произнёс Артём.

Я посмотрела на него ещё раз, а потом отвернулась и пошла на выход.

–Мы ещё поцелуемся, – крикнул он вслед. Я бы и сейчас поцеловала тебя. Прости. Твоё будущее важнее моего настоящего.

Нет, он не видел, как я улыбнулась. Также он не видел того, как ночью я плакала. Где-то в душе понимала, что нравлюсь ему, но мой разум отказывался это воспринимать, потому что его поступки с его чувствами явно где-то не договорились.

Также отказывалась принимать тот факт, что он мне нравится. Такие мальчики не могут нравиться. Меня передёргивает при встрече с ним, хочется засунуть свою голову в землю, как это делает страус, когда чувствует страх или опасность.

На следующий день меня снова ждал Артём.

–Я не пойду с тобой никуда.

–Почему? – спросил Шнайдер, взяв мою руку.

–А зачем? Чтобы потом снова кто-нибудь подумал, что я нравлюсь тебе, и ты снова меня будешь унижать? Как объяснить всем, что тебе просто скучно, поэтому ты приходишь за мной.

– Думаешь, что, объяснив всем, они поверят? Каждый будет думать так, как ему угодно.

– Мне не нравится быть твоей игрушкой, – я повысила голос и попыталась выдернуть свою руку, но Артём только крепче сжал её.

– Мы опоздаем сейчас в школу.

Почему он не реагирует на мои фразы?

– Хватит, скажи, ты считаешь это нормальным?

– Александра, ты лучшая девушка, которую я знаю, и мне хочется быть рядом с тобой.

Артём обнял меня, наклонив голову к моей голове.

– Значит, нравлюсь тебе?

Шнайдер поцеловал меня в лоб, потом пошёл в школу, не отпуская моей руки.

Весь день я чувствовала этот поцелуй у себя на лбу, он будто выжег шрам.

На перемене я подошла к нему, чтобы спросить о домашнем задании. Но это лишь был повод.

– Артём, я хотела спросить.

Но Шнайдер лишь одарил меня взглядом и отвернулся.

– То есть этот поцелуй вообще ничего не значит?

Я сказала это настолько громко, что все мои одноклассники посмотрели на нас. Но Артём не повернулся, ничего не сказал. Он лишь вышел из класса с высоко поднятой головой.

– Он не простит тебе этого, – кто-то сказал за моей спиной.

Да, это был бывший друг Артёма.

–Чего? – спросила я.

–Его жизнь – это жизнь, о которой никто не знает. Ты была её частью. Теперь уже никто, – Коля Пивани тяжело вздохнул и добавил, – это того стоило?

–Я....

Мне пришлось остановиться, потому что в голову мне ничего не пришло. Что я могу сейчас сказать? Оправдать себя? Ну, а смысл? Возникнет ещё больше вопросов и закапаю себя ещё больше.

–Александра Берн, только не плач, – Пивани протянул руки и обнял меня. Его рука легла на мою голову.

Из моих глаз самопроизвольно текли слёзы. Не могла взять себя в руки. Но перемена длиться не вечно.

После уроков я ждала, что Артём Шнайдер подойдёт ко мне и спросит: «Идём?». Но единственное, что он сделал, это собрал портфель и вышел. В этот момент мы в классе были одни, а он даже не посмотрел на меня.

Ладно. Ладно. Ладно.

Неужели можно перестать замечать человека из-за этого?

Дома пыталась не думать об этом. Как обычно сделала уроки, поела. Выпила таблетки. Завтра уже надо бы сходить к врачу.

Я вот просто лежала, смотрела в потолок, а потом поняла, что безумно хочу мороженого. Я так давно его не ела, в страхе заболеть. Но теперь я не боялась. Теперь мне было

безразлично моё будущее. Встала вся воодушевлённая, чтобы сходить в магазин. Вечером захотелось мороженого, но карманных денег мне не давали. Набралась смелости и подошла к папе. Он не посмотрел на меня, когда я задела его.

– Папа, а можно сходить в магазин за мороженым? – аккуратно спросила я.

– Я тут подумал, что привычнее мне будет, если ты будешь называть меня Михаил Викторович.

Мне показалось, что этой фразой он раздавил меня как мошку и размазал по стенке.

– А мороженого? – выдавила я.

– Тебе уже не пять лет.

Михаил Викторович Берн резко развернулся в мою сторону и вышел из комнаты.

Почему я никто?

Мои колени пошатнулись. Мои слёзы предательски потекли из моих глаз. В комнату в этот момент зашла мама. Она осмотрела помещение, потом меня и произнесла:

– Сидишь? Уроки делать не надо?

– Я хочу мороженого, – прошептала я, вытирая слёзы.

– Иди, купи.

– А деньги?

– Тебе уже не 16 лет, сама должна зарабатывать. Скажи спасибо нам с отцом, что мы кормим тебя и одеваем. И что ты живёшь в нашем доме.

И в правду.

–Спасибо, – выдавила я. Встала, взяв себя в руки. Посмотрела на маму, точнее на Олесю Вадимовну Берн, и громко сказала:

–Лучше бы вы меня в детдом отдали.

Но мне не ответили. Она лишь посмотрела на меня, а потом отвернулась. Спасибо за то, что хоть смотришь на меня, мама.

Утром я собралась быстро. Вышла из дома с улыбкой, думая, что там ждёт Артём Шнайдер, но никого не было. Посмотрела на часы. Может ещё рано? Просидела на пороге дома ещё 15 минут, но никто не появился. Опоздала на первый урок.

–Александра, ты такая грустная, – подошёл ко мне Коля. Он сел рядом со мной и улыбнулся.

–Мороженого хочу, – усмехнулась я. Парень засмеялся.

–Такая серьёзная девочка хочет мороженого.

Пивани не отводил от меня взгляд. Его улыбка – это единственное, что радовало меня в настоящий момент. Пожалуй, в моей жизни не было более искреннего человека, как Пивани.

Перевела свой взгляд на дверь. Увидела, как Артём смотрит на нас.

–Он смотрит, – произнесла я вслух.

–Хорошо.

Коля встал из-за парты и направился к Шнайдер. Мне в тот момент показалось, что напряжение с лица Артёма про-

пало. А когда Коля Пивани подошёл тот и вовсе улыбнулся. Или мне снова просто показалось?

–Чего тебе надо? – громко спросил парень с веснушками.

–Ты не понимаешь, что дружба важнее твоего места в обществе? Потерял меня, может быть, её не будешь терять?

–Потерял тебя? И её? Это вы меня потеряли, – грубо произнёс Артём.

Их диалог продолжился, но я не стала его больше слушать. Я устала.

Устала.

Устала.

На большой перемене Пивани позвал меня в кафе напротив школы и заказал мне мороженого.

–Не стоило, – улыбнулась я.

–Ешь!

Пока я ела мороженное с арахисом и клубникой, Пивани смотрел на меня.

–Никогда не сомневался, что ты милая. Нет, нет, ты прекрасная, Александра Берн.

Казалось, что моему настроению некуда подниматься выше, но я ошибалась. Улыбка с моего лица не сползала.

–Какой бы злой и бесчувственной тебя не видели другие, для меня ты всегда была особенной и лучшей.

–Нравлюсь тебе? – прямолинейно спросила я. Парень громко засмеялся, а потом подвёл указательный палец к носу и сказал:

–Тц, ты ничего обо мне не знаешь.

Я только перед смертью поняла, что был он однолюб нестандартной ориентацией. Тогда я сидела в недоумении и ничего не понимала.

–Может поговорим о чём-нибудь прекрасном? – Пивани улыбнулся. После заказал себе пиццу.

–О чём?

–Моя мама говорит, что самое прекрасно в жизни человека – это его детство.

Я лишь поморщилась.

–Почему такая реакция? – Коля нахмурился.

–Я не хочу об этом говорить.

–Что-то случилось ужасное в этот период твоей жизни?

–Да.

–Что же?

–Коль, я не хочу об этом говорить.

–Почему? Ты не доверяешь мне?

–Я боюсь, что после этого ты не захочешь со мной общаться, – мои глаза начинали краснеть.

–Тебя изнасиловали в детстве?

Тяжело вздохнула и выдавила из себя:

–Да.

И это единственное, что я помню. После этого моя мать перестала быть моей матерью. Но я ничего плохого не сделала, я была жертвой. Моя детская психологическая травма отпечаталась в памяти, как татуировка. Надолго. Навсегда.

–Прости, я не хотел, – я видела в его глазах сочувствие.

–Это же уже было, – произнесла без каких-либо эмоций.

–Это и в правду ужасно, – парень будто потерялся после

моих слов.

Почти доела мороженное. Коля медленно ел пищу. А потом спросил меня:

–Почему я должен был перестать с тобой общаться из-за этого?

–Коля, потому что это был не просто маньяк.

–Кто-то из знакомых?

–Коля, у меня ВИЧ.

Он был первый, кому я это сказала.

–Ты серьёзно? – его голос дрогнул.

–О таком не шутят.

Я понимала, что сейчас теряю знакомого. Люди странно реагирует на нас. Больных. Когда я в детстве говорила своим подружкам, что у меня ВИЧ, то их мамы запрещали со мной дружить. Когда мои родители узнали, что у меня ВИЧ. Они перестали быть мне родителями. Ем всегда у края стола. Всегда одной ложкой, вилкой. Моя посуда стоит в отдельном шкафу. У меня дома отдельная ванная комната, туалет. Мои родители бояться задеть меня и находиться долго в одном помещении. Сколько бы раз для них врачи не проводили профилактические работы, всё было бессмысленно. Но я сказала Пивани об этом, потому что доверяла.

–Что мне делать с этой информацией? – произнёс парень.

Его взгляд бегал от угла в угол. Свои эмоции он точно не умел скрывать. Мне пришлось уйти, не ответив. Если человек не принимает меня такой, какая я есть, то этому человеку не место в моей жизни.

Домой пришла раньше, потому что стало плохо на 4 уроке. Меня тошнило.

–Пап, мам, – крикнула я, заходя домой. Меня, казалось, сейчас вывернет. Вырвало прямо на пороге жёлтой слизью. А потом снова и снова.

В коридор вышла высокая стройная девушка в нижнем белье. А следом отец. Не помню, что было дальше, потому что я упала в обморок.

Очнулась уже в больнице. Как вовремя, как раз сегодня собиралась. Рядом сидел доктор.

–Что ела?

–Когда? – спросила я.

–Сегодня, вчера?

–Мороженное... и ..

Не успела договорить, врач перебил меня:

– С чем?

–Арахис и клубника, вроде.

Доктор тяжело вздохнул.

В больнице мне пришлось пролежать два дня. Оказалось, что мой организм не воспринимает ни арахис, ни клубнику. Аллергия. Почему я об этом не знала? Ах да, родители не особо меня баловали. Да, и мой организм вообще ничего

больше не воспринимает. На второй день мне выписали лекарства и сообщили, что они будут лежать в почтовом ящике. Затем меня отправили к моему лечащему врачу:

–Как ты себя чувствуешь?

–Жива, – пробормотала я.

–Что делала позавчера?

И тут я задумалась. Позавчера? Пыталась вспомнить, но в голове был какой-то туман.

–Понятно, а вчера?

–Вчера была пятница, – уверенно произнесла я.

–Вчера была среда.

–Среда? – на моём лбу появились морщинки.

–Рвота? Головные боли?

–Почти каждое утро, – процедила я.

–Тебе нужно пройти все анализы.

Меня не нужно было упрашивать. Просидела в больнице больше семи часов, а потом в мою палату зашёл доктор. Он тяжело вздохнул и произнёс:

–Твои родители пожелали о том, чтобы ты знала.

–Что случилось?

–У тебя рак головного мозга. ВИЧ настолько ослабил твой организм, что стал причиной раковой опухоли. Мы боимся, что уже ничем не поможем. Она внутри. Операция бесполезна. Твои родители заплатили большую сумму за лекарства, но они лишь приглушают боль. И лекарства от ВИЧ твой организм тоже отвергает в последнее время.

–Сколько ещё осталось? Год? Неделя? День?

–Мы не знаем, как поведут себя раковые клетки спустя три часа, день, неделю.

–Хорошо, я тогда пойду.

Доктор удивился тому, что я восприняла информацию просто. А как мне ещё её воспринимать? Плакать? Проклинать всех? За что? Я уже давно смирилась, что моя смерть будет долгой и тяжелой. А самое главное одинокой.

Когда вернулась домой, то почувствовала в коридоре странный, но знакомый запах. Он всегда был тут, но раньше никогда не замечала его. А потом вспомнила. Та высокая девушка. Это её духи?

–Михаил Викторович Берн, почему в коридоре так пахнет духами той высокой девушки в нижнем белье? – крикнула я на весь дом, не подумав о последствиях. В коридор вышла мама и глубоко вдохнула.

–Какой девушки?

–Перед тем как приехать в больницу, я была дома. Михаил Берн был тут с высокой женщиной. Может быть, по работе?

–Миша, – крикнула очень громко Олеся Вадимовна. И тут я поняла, что мне нужно уходить.

Я не выходила из комнаты оставшийся день. Мне было страшно. Слышала, как мама кричит на папу, а папа молчит. Я буквально чувствовала то, что чувствует она. Разговаривала с предателем и не слышала ничего в ответ. Только его дыхание. Видела, как его глаза предательски метались из уг-

ла в угол, но молчали.

Ближе к ночи стало тихо. Решилась выйти на кухню, чтобы быстро перекусить чем-нибудь. Но не удалось, так как там сидела мама. Она смотрела в одну точку, но заметила, как я вошла.

– Кушать хочешь? Давай я разогрею тебе суп, – проговорила она, а после резко встала и начала что-то делать. Я лишь села за стол. Она сама разогрела сейчас мне суп? После того, как мне исполнилось 12 лет мама не готовила мне. Если я не успевала к столу, то мою порцию съедали кошки. А тут я видела, как она старательно разогревала тарелку супа, добавляла красный перец и сметану. Всё, как я любила. Откуда Олеся Вадимовна об этом знает? Она поставила тарелку на стол и подала ложку. Мою ложку из моего шкафчика.

– Приятного аппетита, – произнесла мама и села напротив. Не могла есть. В горле был какой-то ком. Эта вся история с отцом и болезнью меня напрягала.

– Мама, всё хорошо? – осмелилась спросить.

– Да, просто папа уехал на работу.

– Нет, не надо. Я ребёнок. Хватит. Я тоже чувствую. Всё. Я хочу любви. Если тебе не дал её мой отец, то ты не должна злиться на меня. Пожалуйста.

Произнесла несвязанные предложения, пришедшие мне на ум.

– Я люблю тебя, – оправдываясь, произнесла мама.

– Ты избегаешь меня. Избегаешь мои проблемы, болезни.

Всё, что связано со мной ты отвернула от себя на 180 градусов. У меня рак мозга, а ты даже не спросила, как я чувствую себя. У меня просто ВИЧ, а не туберкулёз, который передаётся воздушно-капельным путём. У меня губа разбита, а вы сделали вид, что я здоровая и обычная.

–Что ты такое говоришь? – мама сделала вид, что не понимает меня.

–Ты права. Вру. Вы сделали вид, что меня просто нет. Похоронили живую дочь. Простите, что ещё жива.

Резко встала из-за стола и вышла.

Утром меня ждал завтрак, а мама уже ушла на работу. Я поняла, что в этот момент в моей жизни что-то пошло не так.

Пришла в школу. У входа встретила Шнайдер. На моём лице появилась улыбка, захотелось его обнять.

–Артём, -крикнула я. Он посмотрел на меня, а потом отвёл свой взгляд на что-то другое. Подошла к нему почти впритык, но Артём отошёл.

–Два метра, Александра Берн.

–Ты свои два метра нарушил сам, – произнесла я, сделав шаг к нему.

–Не заставляй меня повышать голос на тебя, мне не хочется тратить на тебя свою энергию и своё время.

–Чего ты такое говоришь?

–Я поговорил с ребятами и сказал им, что ты больше не моя. Теперь ты для них обычная.

–Не твоя? А была твоей? – меня распирало изнутри.

–Да, – спокойно ответил Шнайдер. Я сделала ещё один шаг.

–Поцелуемся? – выпалила я, заметив, что рана на его губе прошла. А потом сразу покраснела. Артём улыбнулся и обнял меня. Казалось, что сейчас большего и не надо. Но когда его губы коснулись моих, поняла, что хочется ещё и ещё. Только Шнайдер быстро отстранился и ушёл. А я осталась с улыбкой на лице.

–Нам теперь снова её бояться? – кто-то спросил довольно громко и вернул меня на землю.

Почему мои одноклассники такие глупые? Эх, нет, это мы глупые.

А что теперь? Мы поцеловались на глазах у других людей, теперь мы вместе? Он простил меня? Или это было начало конца? Или узнав о моём диагнозе, он побежит сдавать анализы на ВИЧ?

Целый учебный день сидела на школьной конференции, как президент школы. Потому у меня не было возможно поговорить с Артёмом. Но после уроков неожиданно для меня ждал Коля.

–Не виделась долго. Ты в порядке? – спросил парень.

–Да, я теперь в порядке.

–Ну, иди сюда, обниму, улыбнись, – незаметно для себя оказалась в объятьях Пивани.

–Спасибо, – произнесла я.

–Всегда пожалуйста, мы же друзья.

–Всё-таки друзья?

–ВИЧ – это не конец. Прости за мою реакция. ВИЧ не делает тебя в моих глазах другой. Ты для меня осталась прекрасной.

–ВИЧ – это не конец? – переспросила я.

–Нет.

–Хорошо, кого ждёшь тут?

–Тебя вообще-то ждал. Шнайдер эти три дня говорил со мной, причем первый.

–Вы помирились?

–Скорее всего вы. Он спросил у меня дважды, где ты. И трижды: «Она в порядке?». Вы разговаривали сегодня?

–Да...

Я не успела договорить.

–Александра, – крикнул кто-то позади меня.

Я резко повернула голову и увидела Шнайдер. Пивани немного отодвинул меня от себя.

–Ты сделала свой выбор, – продолжил Артём.

Я молчала. Что мне делать?

–Это поцелуй вообще ничего не значит? – это же моя фраза. Но почему её сейчас говорит Артём?

Мои губы будто слиплись.

–Александра Берн, – продолжил Шнайдер, – совсем ничего? Неужели после можно идти и обниматься с другим парнем? Молчишь? Правильно делаешь, я не хочу тебя слушать. И тратить время на тебя тоже больше не хочу.

Он развернулся, но потом снова повернулся, посмотрел на меня, видимо ждал, что я что-то скажу.

– Ты как обычно? Просто ищешь повод перестать общение? – спросил Пивани.

– А ты мстишь мне? – в голосе Артёма слышался негатив.

– Чего? – Коля пошёл к бывшему другу, закатывая рукава.

– Бить будешь? Прости, я не дерусь из-за девушки, которая мне никто, – парень с веснушками махнул рукой и ушёл.

– Да к чёрту на этого эгоиста, – спокойно произнесла. Взяла портфель, помахала Пивани и тоже ушла. Если он сделал выводы, не выяснив ситуации, то значит не особо я ему и нужна.

Дома никого не было. Зашла в свою комнату и упала на диван. И тут на меня нахлынули мысли.

Я ведь и в правду была не права. Считая, что Пивани его бывший друг, то это было предательство. Неужели он нравится мне? Неужели Шнайдер нравится мне? Неужели? Может, мне стоит объясниться? Да, но раз он не хочет меня слушать, то я напишу ему письмо. Пусть это будет по-детски, но другого выхода нет. Схватила лист и ручку, и начала писать:

«Мальчик с веснушками, ты должен знать, что твои веснушки – это моя любовь. Твой эгоизм – это моя слабость. Никогда бы не смогла подумать, что ты понравился мне. Вообще не думала, что когда-то мне кто-то понравится. До тебя я отрицала существование любви, до тебя я была другой. А потом моё сердце дрогнуло при виде твоих веснушек. Оно

содрогалось каждый раз, когда ты смотрел на меня. Сначала я была правда убеждена, что это вызов. Хотела стать лучше тебя. Думала, что хочу стать выше тебя, опустить тебя на дно и затопить своей успешностью. Но с первой победой за моей спиной я почувствовала холод. Неужели не туда? Неужели не то? Сколько лет я была за твоей спиной, сколько лет я хотела стать лучше тебя? Но первая победа в этом соревновании не дала мне ничего. Только какое-то опустошение, будто это не то чего я хочу. А чего хочу я? Чтобы твои губы были у моих губ, чтобы твои два метра стали для меня всего лишь словосочетанием. Чтобы твой эгоизм стал для меня лишь улыбкой на лице. Я хочу, чтобы твои веснушки всегда были у меня перед глазами. Плохо засыпаю по ночам, зная, что завтра утром не увижу тебя у своего порога. Хочу всего лишь, чтобы твоя рука всегда держала мою руку. Артём Шнайдер, сделай ко мне два шага. Не отходи. Я люблю тебя».

После набрала Колю Пивани, чтобы узнать адрес проживания Артёма. Заказала такси, поехала. На моё удивление это был огромный дом, огороженный высоким забором. Нигде не было ящика. Поэтому мне пришлось перекинуть письмо, через забор. Надеюсь, что они заметят картонный конверт. Вероятность была маленькая, поэтому я ещё минут десять простояла у ворот, ожидая, наверное, чуда. Но осмелилась поступаться в ворота и скрыться, а потом выбежать быстро на тротуар, сделав вид, что я просто прохожий. Из ворот вышел пожилой человек. Он огляделся по сторонам,

даже не обратил на меня внимание. Под ногами заметил картонный конверт, взял в руки и скрылся. Мне было неважно, кто прочитает первый из их семьи. Главное, чтобы его прочитал Артём Шнайдер. Мне не стыдно за свои чувства.

Я человек.

Каждый человек чувствует.

И его родители тоже люди, значит они поймут.

Мне казалось, что я утешала себя.

На следующий день вышла из дома с ватными ногами. Хотела увидеть там Шнайдер, но его не было. Разозлилась. Я была так зла, что, зайдя в класс, сразу подошла к нему и сказала, предъявляя:

–Ничего не значу? Мои чувства для тебя бессмысленны?

–Ты в порядке? – Шнайдер тяжело вздохнул.

Подняла на него глаза. Он смотрел довольно озадаченно. А смысл говорить с человеком, который прочёл письмо и никак не отреагировал? Я не готова бегать за ним. Меня жизнь не готовила к безответной любви.

–Прости, – произнесла я.

–Отойди, пожалуйста, ещё на два метра, – спокойно сказал Артём, доставая из портфеля английский.

И я отошла. Только не на два метра. Совсем отошла. После этого Артём будто пропал из моей жизни. Я перестала его замечать, потому что дома были проблемы. Мама была в депрессии. Единственное, что оставалось в моей жизни – это Пивани. Он часто провожал меня до дома, знал все мои

проблемы. Коля помогал мне жить дальше.

–Мы так давно общаемся, и для меня это дико, – призналась я другу.

–Почему?

–Потому что я не верю в дружбу между парнем и девушкой, – пояснила.

–Ладно. Но я считаю тебя другом. У тебя ко мне чувства? Мы можем поговорить об этом?

–Я отказываюсь от любви, – громко засмеялась, а потом заревела. Вспомнила Шнайдер. Пивани крепко обнял меня и прошептал:

–Всё пройдёт. Я правда пытался ему объяснить. Он не хочет. Ему не надо. Найдёшь себе хорошего парня. У тебя вся жизнь впереди. Представляешь, сколько у тебя будет таких, как Шнайдер и лучше? Берн, ты лучшая.

Дома мама сидела за столом с чемоданом. Она протянула мне билет и произнесла:

–Мы начнём с тобой новую жизнь! Уедем к моей маме. Я купила билеты на все наши сбережения. Прости, доченька, за то, что давала тебе мало любви. Смотри, я собрала чемоданы. Завтра едем и начинаем новую жизнь. С тобой. Ведь ещё не поздно. Завтра идёшь в школу и забираешь документы!

Всё?

Это конец?

Поднялась в свою комнату. У меня резко заболела голова,

било в вески. Посмотрела на пол, там были капли крови.

Что это?

Кровь бежала из носа.

Села на кровать, воткнув в нос ватку. Набрала Артёма. Я же должна что-то сказать ему напоследок. Он взял трубку.

–Привет, – проговорила я, гундося. Он засмеялся. Это было удивительно.

–Привет, – ответил спокойной парень.

–Я хотела сказать, что...

–Тихо, – прошептал парень, – мы далеко, но наши голоса ближе, чем мои два метра. Я рад этому.

Он совсем другой. Это точно Шнайдер? Я на всякий случай перепроверила, кому позвонила.

–Это Шнайдер? – уточнила я.

–Я всё исправлю.

–Артём, послушай, – произнесла я.

–Нет, послушай меня. Сейчас я сидел с телефоном в руках и думал позвонить тебе, но ты позвонила мне сама. Я устал. Устал от себя.

Я не дослушала этого парня. Отключила телефон. Мне сейчас этого не надо. Поздно? Да, поздно. Я умираю, я уезжаю. Ответить ему взаимностью и потом сломать его жизнь? Тяжело.

На следующий день пришла в школу к обеду. Пошла к директору. Моя мама уже звонила ему. Быстро взяла документы, отвечая кратко и по теме. Но некоторые слова выпадали

из моего контекста, я просто забывала их значение. Пару раз перепутала какие-то существенные факты. А потом выпалила в своё оправдание:

–У меня рак мозга.

И у неё не было ко мне больше никаких вопросов.

Мои ноги становились ватными. Но я хлопнула дверью. Теперь я на улице. Я больше не шагну в эту школу. Не увижу этих людей. Они мне было в принципе никто.

Спускалась по лестнице, но остановилась, услышав своё имя.

–Александра Берн, ты уходишь?

Это был Шнайдер. Он смотрел на меня с большими от непонимания глазами.

–Да.

–Надолго?

–Навсегда, – вздохнула я. Он смотрел. Я пожала плечами и пошла дальше. Но меня остановила рука. Шнайдер развернул меня к себе и крепко обнял.

–Я не читал твоего письма. Мой отец сказал, что это детский сад. Он его выкинул. Я даже не знал от кого оно. Вчера папа нечаянно проговорился. Сказал, что я способен только на нюни с какой-то Александрой Берн, а на остальное нет.

–Ничего страшного, уже не надо.

–Не уходи, – Шнайдер поцеловал меня в губы, но я отстранилась.

–Я лю....

Он не договорил. Я поцеловала его так сильно, как только могла. Прозвенел звонок, но Шнайдер и не думал на него реагировать.

–Прости за эгоизм.

–Твои веснушки, – начала я, положив свою руку ему на щёку, – моя любовь, а твой эгоизм – это моя слабость. Прощай.

Я почувствовала, как на мою ладонь упала капля.

–Александра Берн, я ничтожный.

–Ты лучший.

Вырвалась из его объятий и пошла.

–Постой, – крикнул он. Но я понимала, что, обернувшись сейчас, я не смогу потом уйти. Поэтому не повернулась. Моё сердце билось так сильно, так хотелось вернуться обратно. Так хотелось к нему.

Пришла домой весьма раздраженная. Из носа бежала кровь. Мать стояла у порога с недовольным выражением лица.

–Что случилось? – спросила я.

–Моя мама продала свой дом и едет жить к нам. Мы никуда не едем, – проговорила она.

Мой истеричный смех закончил эту сцену. Шнайдер всю дорогу шёл следом. И увидев меня в таком состоянии, испугался. Испугался, но не побоялся подойти.

–Ты в порядке, Александра Берн? – в его глазах я прочитала страх.

– А я и не думала, что до высоты, мне оставалось всего два метра...

Проговорила я и ...